

ЛЫКОВ

Павел Антонович,

кандидат экономических наук,
в 1970 - 1971 гг. – зоотехник
Политотдельского отделения
Белгородской областной
опытной станции,
в 1971 – 1999 гг. – старший
научный сотрудник НИИПТИЖа
ЦЧЗ, Белгородского СХИ,
Белгородской ГСХА,
с 2003 по 2006 гг. –
доцент кафедры статистики
Белгородской ГСХА.
Ветеран университета

ВETERANAM BOЙНЫ

Ветераны войны, люди славной России,
Вы когда-то в суровом военном году
Разгромили нашествие вражеской силы,
Отвели от Отечества злую беду.

Мир живых чтит и помнит, гордится поныне
Героизмом и славой советских солдат.
Грозных битв за Отчизну живые картины
Перед нами священной правдой стоят.

Мы хотим, чтоб вы были здоровы и в силе,
Чтоб в труде был успех, счастье в жизни велось.
Чтобы дети и внуки сердечно любили,
Все, что в жизни задумано ими, - сбылось!

Мы хотим, чтоб на нашей родимой планете
День Победы был Праздником вечно святым,
Чтоб всегда ветеран видел жизнь в мирном свете,
Долго жил, оставаясь всегда молодым!

*(Лыков П.А. С добротой. Стихотворения.
Белгород: «Крестьянское дело», 1998. с. 53)*

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Был день в конце Большой войны.
Гремел салют большим раскатом.
Тот День стал праздником весны
В цветущем мае, в сорок пятом.

Взошел тот День на пьедестал
Истории, как гордость века.
Он, этот День, победным стал
Во имя счастья человека, -

Как символ мира и любви
К всему прекрасному на свете,
Чтоб в жизни яблони цвели
И чтоб всегда смеялись дети!

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 3)*

ЗА ДВА ДНЯ ДО ОККУПАЦИИ

Чем дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, тем ярче встают события тех лет перед ее свидетелями.

В начале июля 1942 года в село Волотово пришло известие о том, что немцы уже в Чернянке! Жители нашей улицы забеспокоились. Эта неприятная весть встревожила и наши детские души – скорее оттого, что родители наши открыто заволновались, не находя ответа на главный вопрос дня: уходить, эвакуироваться или оставаться в тревожном ожидании завоевателей?

С утра на сходе жителей нашей улицы гонялась страшилка, будто немцы – это варвары, которые молодых насилуют, непослушных вешают, а детей угощают в Германию! Атмосфера страха поселилась в каждой семье.

Сразу после разговора на улице к нам в хату пришли соседи: тетя Дуня и дядя Ваня Алехины, тетя Феша Дахина и сноха наша Мария, жившая во флигеле нашего подворья со своими двумя малышами-близнецами. Разговор начал дядя Ваня. Он был моложе моего отца на восемь лет. В армию его не призывали. Что-то было у него с ногой, за что получил прозвище «косолапый». Иванов в селе было много, а «косолапый» один. С отцом он был в каком-то родстве и всегда называл его брат-кой. Вот и сегодня, заводя своим грубым голосом речь, он обратился к отцу:

– Ну, братка Антошка, мы к тебе на «совет в Филях».

Подворье наше называлось Филино, что связано с именем моего деда Филиппа по отцовской линии.

Соседи договорились, что надо всем вместе уходить в Киркинский лес. Сегодня испечь хлеба, собрать необходимые вещи, связать узлы, а завтра опре-

делиться с порядком ухода. Разговор завершился каким-то спором из-за несогласия моего отца куда-то уходить. Доводы его были убедительными:

– Куда пойдет Маруся со своими малышами и куда ты, Фешка, собираешься с шестью своими гавриками? Эти немцы, они ведь придут не на один день. Чем же детей кормить будете, где они будут жить, спать?

В этот момент над хатой раздался страшный рев самолета. Все выскочили во двор. Над селом на низкой высоте пролетел самолет-рама. Мы увидели в воздухе массу отливающих на солнце серебром и падающих на землю бумажек. Это были листовки. Мы их собирали. Что в них было написано, не запомнилось, но одно выражение отложилось в памяти на всю жизнь: «Русские, берите хворостину, гоните евреев в Палестину!» Мы долго повторяли эти слова в виде шуточной песни.

Не успели все листовки осесть на землю, как послышался в небе надрывный гул тяжелых самолетов. Три из них летели в звене, чуть в стороне от села, на значительной высоте. Вдруг неожиданно, кажется, с неба, появились два наших истребителя. На большой скорости они стали преследовать незваных гостей, кружить над ними и строчить из пулеметов. На наших глазах чужаки развернулись и стали удирать назад, бросая бомбы куда придется. Очевидно, лишь бы не оказаться сбитыми.

Утром нам долго не спалось. Нас привлекала пушка, с вечера установленная нашими солдатами на удлиненном кургане у края села с восточной стороны. Без нас, пацанов, конечно, пушка не могла выстрелить. Кружились мы вокруг нее с вопросами:

– Дяденька-солдат, а когда она стрельнет и далеко ли долетит снаряд?

Солдат было четверо. Они поочередно смотрели на запад, в сторону села Андреевка. Смотрели в бинокль на деревянных подставках. Нам тоже разрешили посмотреть в бинокль, только ничего мы не увидели, кроме хат на краю села.

После обеда солдаты засуетились. Один из них крикнул:

– Немцы в Андреевке! Давай снаряд!

Солдаты бегом бросились вниз по кургану, где стояла пароконная телега, и кормились зеленой травой две лошади. Скоро два снаряда были доставлены к пушке. «Заряжай! Ребята, живо уходите отсюда! Прицел такой-то... Огонь!» Куда полетели снаряды, Бог знает, но нам достались гильзы от них. Это были первые наши трофеи войны. Одну гильзу я принес домой и спрятал в ботве картофеля за сараем. Как раз в этот момент над селом на очень низкой высоте развернулся немецкий самолет с черными разлапистыми крестами. Его длинные пулеметные очереди перепугали нас всех. Мама закричала:

– Скорее в погреб, и не выглядывайте!

С нами в укрытие попал соседский мальчик Федька, который шепнул мне о том, что за селом во ржи стоит брошенная солдатами полуторка, заглохла, керосин кончился. Через двадцать минут мы были возле той машины. К нашему огорчению, там уже орудовали ребята с другой улицы. Они вытащили ящик с ключами, откручивали гайки, выдергивали провода, снимали детали. К вечеру от машины остался скелет на колесах с кабиной и кузовом. Мне досталась ка-

кая-то катушка с медной трубкой. Спрятал я ее подальше от отца и от немцев, на всякий случай.

Пушку с кургана увезли солдаты, прицепив к телеге. У соседей эвакуации не получилось. Узлы были развязаны, все согласилось ждать немцев, будь что будет... Предстояла бессонная ночь перед приходом оккупантов, которые вошли в село со стороны хутора Хворостянка, в пятом часу утра, пятого июля.

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 4 - 6)*

ПОД ПЯТОЙ У ВРАГА

Ночь с 4 на 5 июля 1942 года в селе Волотово была бессонной и тревожной. Может быть, кому-то и удалось вздремнуть, но все равно он вздрагивал от виденного во сне зловещего немца, что ночевал в Андреевке. А утром, в пятом часу, незваные гости появились на нашей улице. Сначала через центр села на его восточную окраину с ревом пронеслась танкетка. За нею вскоре - четверо солдат на велосипедах и еще шесть на двух мотоциклах.

Не помню, каким образом, но мы, вездесущие пацаны, вышли навстречу к немцам первыми. Нас привлекла стрельба из автомата по убегающему красноармейцу. Дело оказалось в том, что два наших солдата решили сдаться в плен. С появлением немцев они вылезли из-под деревянного амбара, что стоял на выгоне, у дороги, подняли руки кверху и пошли на милость неприятеля. Один сдался. Его немцы посадили в коляску мотоцикла и увезли в центр села. А другой, видимо, передумал сдаваться, пулей метнулся за амбар, в коноплю на соседнем огороде. Автоматная очередь оказалась напрасной. Солдат убежал. Это произошло на наших глазах.

После этого инцидента мы были свидетелями общения жителей нашей улицы с двумя молодыми офицерами, где главным участником с нашей стороны выступала 16-летняя девушка Нюшка Гудилина. Она смело подошла и сказала: «Гутен таг!» Немцы много улыбались, показывая вид, что пришли к нам с добрыми намерениями. Просили яйца и млека. Однако, когда тетка Устюха Чумакова принесла в кувшине парное молоко, они его пить не стали, а пригласили переводчицу Нюшку пройти с ними по дворам. В нашем дворе девушка уловила смысл желания гостей: сырого не пьют. Мама принесла из погреба большую мохотку с топленным молоком. Невестка Мария вынесла два пустых граненых стакана и огромную самодельную деревянную ложку, какой мама наливала в них молоко вместе с толстым слоем пенки. Немцы кряхтели от удовольствия, выпили по несколько стаканов и благодарили хозяев: «Гут! Гут!»

Насколько помню, немецкие солдаты попрошайничали на нашей улице только в первые дни оккупации. С появлением в селе комендатуры, которая расположилась на территории местной больницы, вымогательство прекратилось.

В течение июля движение немцев на восток — на различных видах техники, лошадях, пешим строем - настолько было мощным, интенсивным, что перебежать дорогу не представлялось возможным. Июль был жарким и сухим.

Пыль стояла над горизонтом до самых небес и толстым серым слоем покрывала хлеба и травы.

В первую неделю оккупации, помню, пришел к отцу сосед дядя Ваня и с порога объявил:

- Братка Антошка, беда, что делать? Вызвали меня в комендатуру и назначали директором колхоза! Что лучше, повеситься или убежать в лес?!

Дядя Ваня плакал, по-детски вытирал слезы. Отец успокоил соседа:

- Не завидую тебе, Иван, но выхода нет. Возьми себя в руки и не забывай, все эти вояки будут биты, как французы в 1812 году. Наши вернутся, провинишься перед людьми, пороть будут!

Должность директора колхоза обязывала заниматься организацией уборки урожая, отправки зерна и живности из личных подворий в Чернянку, молодых людей на работу в Германию и т. д. Все эти деяния воспринимались жителями села очень болезненно. Однако отъезд молодежи в Германию с нашей улицы прошел без истерики, потому что директор хозяйства предварительно поговорил с родителями. Дуся и Рая Алехины, Осик Лыков улыбались. Причитаний не было (как на других улицах), за исключением тети Поли (матери Раи), которая молча вытирала слезы, а на прощанье сказала:

– В добрый час, детки!..

Все они после окончания войны вернулись домой, долго работали в родном колхозе, а Раиса Алексеевна до сих пор живет и здравствует.

Особые переживания отмечались у тех людей, у кого забирали коров. Запомнился случай с дядей Власом Алехиным. Когда уводили с его двора коровлицу, он страшно ругался в адрес дяди Ивана. А как пришли наши, поведал о своем горе двум офицерам и привел их к бывшему директору колхоза. Воины стащили «виновника» с печки и зимой в одних подштанниках увели в сельсовет, отправив сразу туда, откуда вестей не шлют. По законам военного времени это как раз был тот случай, когда степень виновности одних людей определялась степенью озлобленности других.

С того момента прошло шесть десятков лет. Многое изменилось в нашей жизни, только убеждения у людей остались те же – такая слепая жестокость не имела оправданий. Хотя бы взять того же дядю Ваню. До слез не хотел он этого директорства, болезненно переживал каждый случай, приносящий своим же людям неприятности. Лично у меня, как свидетеля событий, нет представлений о том, что мог бы предпринять, будь на месте директора колхоза, другой человек? Комендатура, эта злокачественная опухоль на теле жителей села, она ведь работала по принципу ежедневных нарядов – только давай – и невыполнение ее требований было чревато, прежде всего, гибелью для людей.

Однако у людей села сложилось мнение, что сам немецкий комендант был сносным человеком: к жалобам людей относился с пониманием, по каждой из них принимал решения, к многодетным семьям относился с благосклонностью. А когда однажды стало известно, что рядом с селом по грейдеру в сторону Чернянки будут проходить пять тысяч наших пленных солдат, комендант велел оповестить население с призывом вынести солдатам продукты питания.

Оказавшихся среди пленных родных и близких разрешалось уводить с собой.

Надо сказать, на встречу с нашими солдатами вышло все село, особенно женщины и дети. Нас снарядила мама: сестра Анна несла полведра воды и узелок с сырыми яйцами, брат Иван картошку вареную с огурцами, а я узелок с коржиками и двухлитровый глечик (кувшин) с молоком. На всю жизнь запомнилась бесконечная четырехрядная вереница измученных жарой и усталостью людей, в тридцатиградусную жару обутых в кирзовые сапоги и ботинки с обмотками.

Безветрие. Солнцепек. Колонна замедлила шаг, но приказ жесток – в момент передачи продуктов не останавливаться (!). Это надо было видеть, до какого состояния можно довести организмы и души людей, придавленных железной пятой завоевателей. Жажда пить доминировала над всем. Мой глечик с молоком пошел по рукам. Я только и видел, как один дядя сделал глоток, остальное никому не досталось, молоко расплескали, кувшин растоптали. Домой я вернулся сильно обиженным. Успокоила мама: не плачь, сыночек, не ты ж виноват, что так получилось...

Многие односельчане пытались увидеть среди пленных своих близких или знакомых. Некоторым это удалось. Моя родная тетя проявила волю, обнаружила «брата» и спасла его. Она решительно шагнула навстречу красавцу–пленнику, успев шепнуть ему:

– Я сестра твоя Агафья, пойдем домой...

Имитация была похожа на истину. Конвой отпустил «брата». Полгода прожил солдат, добрый, работающий человек, у «сестры», а после изгнания чужеземцев пошел воевать в составе нашей действующей армии.

На протяжении полугодовой оккупации немецкие власти ни разу не спрашивали у пленника–брата, кто он такой, в самом деле, откуда родом. По утверждению старожилов, связано это было, прежде всего, с порядком работы самого коменданта, который постоянно напоминал своим прислужникам о том, что он понимает, как нелегко им работать со своими людьми, находясь под пятой у неприятеля, просил разъяснить населению необходимость выполнения его требований, так как война – это особые условия, и диктует их победитель. Но он всегда был согласен жить дружно, как тот кот Леопольд, если не будет сопротивления его воле.

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 6 – 10)*

СОПРОТИВЛЕНИЕ НАСИЛИЮ

Известно, что против любой силы воздействия есть силы сопротивления. Больше всего немцы боялись партизан. Меня нарекли этим прозвищем в немецкой комендатуре в конце июля 1942 года. Это случилось после нанесения мною прицельного удара обломком безмена с колотушкой на конце по мягкому месту здоровенного мадьяра, воинская часть которого расквартировалась в палатках сроком на три дня на территории, прилегающей к нашим огородам. Чу-

жеземец позволил себе «заблудиться» в чужом огороде, накопать в котелок молодой картошки, да еще и присесть, сняв штаны, чтобы посидеть возле кукурузной грядки, где мы с ребятами играли в железки. Не выдержал я и тут же прошептал свою частушку: «Не боюсь открытой драки я в плену неметчины. Эти подлые вояки будут покалечены!» Взял обломок безмена и охавячил мадьяра, который сгоряча левой рукой за штаны, правой — за котелок и в одно мгновение взял двухсотметровку. У лагеря оглянулся и долго смотрел в сторону огорода, хватаясь за вавку на мягком месте.

На другой день пришел к нам директор колхоза и сообщил отцу неприятную новость. В комендатуру приходил начальник венгерской части с жалобой на то, что его солдата якобы покалечил партизан. Стало известно, что в отместку у хозяина того огорода сегодня ночью уведут корову.

Говорят, что голь на выдумки щедра. Отец нашел выход спасти кормилицу — из сарая он перевел комолую на ночь в сени. Семья не спала в ожидании воров. Мама дежурила у окна, глядя во двор. Отец стоял в сенях с большим топором-колуном в руках. Обнаружив, что коровы в сарае нет, ночные пришельцы (их было двое) подошли к наружным дверям сеней. В момент приложения чужого уха к двери с целью убедиться здесь ли буренка, отец не выдержал и ахнул обухом в верхнюю часть двери. Как драпанули незваные гости, видела в окно мама, которая долго не могла удержаться от смеха.

Надо сказать, что мадьяры больше других оккупантов зверствовали в нашем селе. Днем они шастали по огородам, сараям, ловили кур, тащили овец, поросят, а ночью стучали в окна, вызывая женщин. Был такой случай. Недалеко от нас жила многодетная бабуля Марфа Фирсовна Горборукова, маленького роста, круглая, привлекательная. Поздним вечером к ней постучали. Вышла, чего пожилому человеку бояться? Мадьяр пригласил ее к сараю. Баба Марфа сначала не поняла, о чем он толкует, а когда похабник запустил руку за ее пазуху, смекнула сразу, схватила коромысло и хряпнула наглеца по хребту. Орудие труда — пополам, палец блудника невольно нажал на курок винтовки. Бабахнул выстрел, баба с испугу жидко обмазалась, мадьяра бросило в сторону — и Фирсовна была спасена! После этого случая баба Марфа в течение месяца ежедневно вымазывала свою одежду раствором свежего коровяка. Так и ходила по улице в целях «неприкосновенности».

У тех же мадьяр ребята с нашей улицы во главе с Иваном Дахиным (чумаком) стащили ящик гранат, отнесли их к Долгеньким оврагам (один км от села), спрятали там, прикопав землей. А через несколько дней после ухода мадьяр все эти трофеи были взорваны на дне глубокого оврага. Венгерские гранаты были похожи на раскрашенные куриные яйца с тупым и вогнутым концом. Первый раз в жизни бросил гранату и я. Старшие ребята научили — зажал смерть в дрожащей руке, вырвал кольцо и бросил в бездну оврага.

На беспорядочные взрывы в овраге прибежали ребята с улицы Топоровка: уходите отсюда скорее, сейчас приедут немцы, на Грачевке партизанку поймали... Очертя головы, низом, через огороды мы выскочили на Грачевку и увидели: во всю ширину улицы в направлении к ее концу двигалась масса лю-

дей. Впереди пара лошадей катила орудие с длинным стволом. По бокам шли солдаты. Позади пушки шла девушка-партизанка. Вели ее четыре немца, двое из них, держа винтовки наперевес, упирали штыками ей в спину. Мы подошли совсем близко. На девушке была белая кофточка, во многих местах порванная и испачканная кровью. Что я запомнил на всю жизнь, так это отрезанный конец левого уха, откуда капала кровь. Мне стало плохо, и я отстал, вернулся домой и долго не мог опомниться. А в ушах звучал голос Прасковьи Манохиной:

– Держись, Любушка!

Девушку ту немцы измучили насмерть, публично резали ее груди, добиваясь одного: где партизаны? Только она ничего не сказала. Оказалось, что девушка эта в составе группы наших солдат попала в окружение противника. Пришлось перебиваться, держаться ближе к своим людям. Но нашлись мерзавцы, которые выдали ее немцам. Это было днем в обед. Два пастуха – дядька Устин и 17-летний Петька Власовы – взяли девушку на улице под руки и отвели в комендатуру.

Комендант приказал стянуть имеющиеся войска местного гарнизона на Грачевку, к урочищу Палашкино, и уничтожить партизан. Дело закончилось боем, в котором погибли трое наших и двое немецких солдат. Последних похоронили в центре села. Долго стояли кресты на открытом месте. Теперь их нет, а прах двух завоевателей так и остался в чужой земле.

О наличии партизан в округе села тогда говорилось много, но группы их были малочисленны. Очевидно, поэтому они не вступали в открытую борьбу с оккупантами – из-за боязни больше навредить местным жителям.

Лично я часто по неделе, а то и по две в месяц проживал у деда Тимохи и бабы Евгешки Лыковых, наших дальних родственников, которые жили в Киркино, в домике на колхозной пасеке. Ночью там, в темноте, мужских голосов и разговоров было много, а днем я знал только двоих солдат. С одним из них, дядей Степаном из Черниговской области, даже дружил.

Однажды в конце августа на пасеку приезжали два немецких офицера верхом на лошадях. Спустились с горки вниз, к домику, разбили дедово ружье, спросили про партизан и уехали. Интересно, дядя Степан с солдатом лежали рядом в крапиве, у валежника, направив стволы своих винтовок на немцев, но стрелять, не решились. Почему – осталось загадкой.

О наличии партизан в Киркино свидетельствует такой случай. Как-то баба Евгешка сказала мне: сегодня, внучок, мы будем с тобой и Тузиком спать в терновнике... Ночь была тихая, теплая и светлая. Только я спрятался на груди у бабушки, под ее фуфайкой, заснул, как вдруг какой-то шум раскатился по лугу. Я очнулся, высунул голову и увидел, как несколько человек разворачивают самолет-кукурузник. Потом они носили на плечах какие-то грузы к домику. Ночной гость скоро улетел вдоль луга на юго-восток.

В одну из темных ноябрьских ночей наш кукурузник (не тот ли, что садился в Киркино?) в знак солидарности с боевыми успехами под Сталинградом нанес бомбовые удары по вражеским объектам в селе Волотово. Предварительно над селом взвились три сигнальные ракеты по линии больница – школа – ве-

тучасток, где располагались комендатура, спецотряд и центр связи. Однако самолет отклонился от курса. Первая бомба проломила крышу хаты Семена Лыкова, вырвала из-под головы спящего на печке сына Афанасия подушку и застряла между печкой и лежанкой. Днем эта бомба лежала в виде поросенка за сараем. Мы на нее издали кидали камни. Вторая бомба взорвалась у домика Домны Захаровны Манохиной – все стекла в окнах разлетелись вдребезги. Третья – зажигательная – залетела во двор Ивана Ковалева, спалив кучу соломы, а четвертая, как и первая, не взорвалась, ушла в землю, где-то у порога погреба Ф. Л. Алехина и до сих пор находится там.

В январе 1943 года, перед отступлением немцев, полицаи собрали комсомольцев села во главе с их вожакон Аней Баженовой в помещении почты, ночь продержали, готовились всех расстрелять. Но пожилые люди пошли к коменданту. Помогла Валя-переводчица. Людей отпустили. После Валю-переводчицу судили в Курске. На суд ездили свидетели из Волотова. Девушку оправдали.

Прошли шесть десятилетий нашей Победы! А мы так и не находим ответа на вопросы: почему были пассивными в своих действиях партизаны в наших краях; как могла возрастить наша земля волотовских власовцев; отчего никто из жителей села так и не знает, кто же такая была девушка-партизанка?

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 10 – 14)*

«ГИТЛЕР – КАПУТ...»

В год юбилея нашей Победы в Великой Отечественной войне нам, ее свидетелям, хочется вспомнить отдельные эпизоды. Наше родное село Волотово, что в Чернянском районе, находилось под оккупацией немцев в течение шести месяцев, начиная с 5 июля 1942 года. Мне хорошо помнится, как пришли немцы в село, как они несметной силой два месяца двигались на восток. Многие тогда думали, что этому парадному шествию не будет конца. Но прошло полгода, и мы стали свидетелями совершенно другой картины – бегства захватчиков туда, откуда они к нам пришли.

Отступление немцев через наше село проходило в последней декаде января 1943 года и действительно было бегством недобитых на воронежской земле завоевателей. Возвращение непрошенных гостей было, если можно так выразиться, одноразовым, то есть в течение одного дня – 25 января. Зима тогда была многоснежной и страшно холодной. Морозы достигали сорока градусов. Для обеспечения свободного продвижения отступающих оккупантов дорогу от хутора Медвежье до села Волотово ежедневно чистили его жители вручную. От нашей семьи на чистку дороги ходила сестра Анна 14-ти лет.

В названный выше день, под вечер, в село вошел конный обоз до сорока подвод. Они двигались по улицам, останавливались во дворах на ночлег. Поскольку заборов возле дворов ни у кого не было, заезд в них был свободным. В нашем дворе остановились две пароконные подводы и с ними одиннадцать немцев, из которых один итальянец, достаточно внятно умевший объясняться

по-русски. По природе он был общительным и первым заговорил с моим отцом, с начала войны не призванным в армию по возрасту.

– Хозяин, пожалуйста, нам помогать поставить лошадь, – обратился итальянец к отцу. – Гитлер капут, мы очень простудился...

Отец проводил дрожащих от холода гостей в хату и скоро вышел, чтобы помочь двум рослым рыжим немцам определиться с лошадьми. Втроем они быстро освободили их от упряжи, соломенными жгутами разгладили им спины, бока и конечности, покрыли животных суконными попонами, задали в брезентовые торбы овса.

В хате до приезда немцев уже было натоплено, но отец принес еще охапку пеньков от старой груши. Сама наша хата была небольшая, размером 6х8 метров, имела одну перегородку, отделяющую кухню от передней комнаты, где в правом дальнем углу стояла деревянная кровать для родителей, а слева – огромный дубовый стол для обедов большой семьи. У отца ведь было восемь детей. Три дочери к тому времени были замужем, жили на соседней улице. Мужья их воевали. Сын Федот тоже воевал. Как стало известно позже, погиб в начале войны на Западном фронте, так и не успел порадоваться совместной жизни с молодой женой, которая в том же году подарила ему двух сыновей–близнецов, что называется, сделала двойной ответный удар по врагу. Другой сын Николай в то время служил на Дальнем Востоке, сдерживал угрозу японцев. При отце оставалась еще трое нас, его детей, и наша самая добрая мама.

Гости успели раздеться, умыться в кухне из кружки над лоханью, куда повседневно сливались помои. Двое из немцев разулись и корчились от боли в обмороженных пальцах на ногах. На плите варилась картошка в мундирах в большом ведерном чугуне, на полу в кухне играл свою семейную песню большой самовар. Немцы выложили на стол белый хлеб, консервы, занесли и поставили в кухонном углу два деревянных бочонка, один с вареньем из клубники, другой – со сливочным маслом.

Один из гостей отрезал три ломтя хлеба, на каждый из них после подогрева намазал слой масла, а сверху слой варенья и угостил нас, хозяйских детей. Было видно, что сделал он это с большим удовольствием. Наверное, дети есть дети: а немцы тоже люди. Но такого лакомства мы никогда до этого не кушали.

К тому времени сварилась картошка. Встал вопрос, как подать ее к употреблению. Итальянец нашел себя и здесь, предложив поставить чугунок прямо на стол... Так и сделали. Мама принесла из погреба блюдо с бочковыми огурцами и огромный кочан моченой капусты, разрезанный на четыре части.

Трапеза получилась активной, с выпивкой разведенного водой спирта из железных кружек. Гости сами очищали горячую картошку, сметая все, что было подано. Итальянец не выдержал: матка, цыганская еда!.. Все, кто понял смысл сказанной шутки, смущенно заулыбались, и будто в подтверждение того, что война проиграна, кто-то из немцев добавил: «Гитлер – капут!»

После обильного чаепития встал вопрос, где разместить гостей для отдыха. Тут слово маме, которая умело распорядилась: двое с обмороженными сто-

пами будут спать на постели (кровати), двое – на массивных лавках, устроенных вдоль стен с двух сторон стола, один, самый простуженный, на теплой лежанке, остальные – на полу. Сама мама вместе с нами, тремя детьми, залезла на нашу просторную и всегда теплую печку. Для отца места не оказалось.

Из-за отсутствия матрацев и всякого другого тряпья в качестве подстилки на холодном земляном полу отец принес в хату большую охапку ржаной соломы. На ней-то и улеглись шесть завоевателей, прямо в шинелях, не раздеваясь.

Только вот итальянцу в ту ночь не спалось. Он встал и прошел на кухню, к отцу, сел рядом с ним на табуретку. Показал ему фотокарточку с изображением на ней красавицы-жены и четырех их детей. Человек умолял и слезно просил отца спрятать его где-нибудь от немцев. Они уйдут, а он добровольно попадает в плен к русским. Война закончится, и он вернется живым в Италию, к своим детям... Отец не стал прятать чужеземца из-за боязни оставить своих детей сиротами. Долго они еще разговаривали, так и не спали, пока далеко за полночь в хату не ворвался немецкий офицер, который страшным голосом рявкнул: «Подъем! Русские!» Этого было достаточно, чтобы через десять минут в хате никого из немцев не осталось, кроме забытых ими двух портянок, одного шарфа и бочек с вареньем и маслом.

Все мы долго не могли прийти в себя. А утром – сразу к бочкам. Так хотелось отведать варенья. Мама сначала не разрешала даже заглядывать в бочки: а вдруг вернуться?! Но после утверждения отца – теперь уж не вернуться – наложила нам троим в миску сладостей, с которыми и наш черный хлеб казался лучшей сдобой.

К обеду мама позвала тетю Дуню, соседку с одной стороны, и тетю Фешу – с другой, угостила их и наложила по миске варенья домой, для их детей. Помню, мы даже обиделись: зачем столько отдала, нам бы больше осталось, на что мама сказала, чтобы мы не были такими жадными, и чтобы всегда делились с ближними людьми чем Бог послал.

После ухода немцев в селе у нас два дня никакой власти не было, хозяйничали лишь трескучие морозы. На третий день со стороны Медвежьего в село въехали верхом на лошадях два русских солдата. Мы бежали им навстречу. Они были в теплых шапках, в белых полушубках и валенках. Люди видели в них олицетворение силы и духа нашей родной армии-освободительницы, которая весной 1945 года поставила победную точку в самой жестокой войне.

...Прошло 60 лет, а мне и сегодня хотелось бы знать, вернулся ли тот итальянец домой, в Италию, к своей семье, к своим детям, или так и не нашлось человека, который мог бы спрятать его от немцев?

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 14 – 18)*

КИСЕТ

Каждый человек по природе своей хоть чем-то, но похож на своих предков. Обо мне говорят, что я – частица от рода деда Митрохи Потапова, которого

в жизни не случилось увидеть. По рассказам моей мамы, это был волевой человек. У него было шестеро детей – три дочери и три сына. К сожалению, в живых уже никого не осталось. Двух своих теток по материнской линии я знал хорошо. Тетя Марина, младшая из сестер, еще до войны уехала с семьей на Украину, в Запорожскую область, имела кучу детей, там и прожила до конца своих дней, периодически приезжая на Родину. Тетя Ганя, Агафья Митрофановна, прожила 90 лет, посвятив себя труду рядовой колхозницы. Земляки так и говорили: вот кому бы соответствующее образование, непременно бы артисткой была.

Из трех маминых братьев знал лишь одного, самого младшего, Василия. Двое других погибли в войну, защищая правое дело. Дядю Васю я видел всего два раза. О нем-то и хочу рассказать. Это был кадровый военный, призванный в армию еще до войны. Прошел огненное пекло сражений за освобождение Родины от фашистских захватчиков, не один раз получал тяжелые ранения, но каждый раз выживал.

Первый раз я увидел его в центре Волотово 9 мая 1945 года, на митинге в честь окончания Великой Отечественной войны. Накануне, 8 мая, старший лейтенант Василий Митрофанович Потапов, впервые за столько лет разлуки, прямо из военного госпиталя приехал в родное село.

С утра 9 мая к центру села сходились его жители – никто не мог усидеть дома. Во всем чувствовалась обстановка особого праздника: торжественно звучала музыка, над сельсоветом развевались красные флаги.

На митинге выступали многие. А мне не терпелось скорее увидеть на трибуне дядю Васю. И он вышел. Стройный, высокий, подтянутый и красивый. Парадная шинель с погонами, хромовые сапоги, военная фуражка с пятиконечной звездой украшали гвардейца. Говорил дядя Вася не очень долго, но его речь не раз сопровождалась аплодисментами. А закончил он ее словами: наша Родина, все наши люди пережили страшное время, но мы выстояли, мы победили. Ура, товарищи! Ответное дружное «ура!» собравшихся настолько было громким, что его эхо наверняка достигло соседних планет.

Праздник Победы в селе Волотово продолжался весь день и всю ночь. А дядя Вася с моим отцом, Антоном Филипповичем, и близкими родственниками пришли к нам домой, где мама и бабушка накрыли стол. Большой радостью наполнилась хата. Застолье сопровождалось выпивками, песнями и бесконечными разговорами. Помню, мне тогда было 14 лет, дядя Вася сидел на почетном месте. Вся его грудь блестела в орденах и медалях. Радовались мы и гордились с младшим братом Иваном, что нам разрешили потрогать их руками и примерить фуражку.

Из всех разговоров в тот памятный день на всю жизнь запомнился один, возникший как ответ на вопрос моей мамы, чем заниматься, где жить станешь, как с невестой?..

Главный гость от души рассмеялся:

Дорогая няня, дел у нас ого-го сколько, будем восстанавливать разрушенное, а насчет невесты, так у меня уже есть жена.

Как? Ты же все годы войны из боев не выходил. Неужели на фронте

отыскал?

Представь себе, нашлась... ладно уж, коль настаиваете, расскажу. И поведал историю с кисетом.

В жестоких зимних боях под Ржевом в окопы поступили посылки с теплыми вещами от женщин Калининской области. В результате дележки мне достался кисет, расшитый красивым узором. Признаться, обрадовался подарку, как ребенок. Наверное, оттого, что изготовила его незнакомая девушка с ласковым именем Оля. По каким бы дорогам войны ни ходил, то ли в жарких боях с фашистами находился, то ли в госпиталях после контузии – Олин подарок всегда был со мной, у сердца, как источник особого тепла, как талисман, хранящий от смерти. Он и теперь со мной, – и дядя Вася достал из кармана тот самый чудесный кисет, который прислала ему на фронт девушка без адреса – Оля.

Все с любопытством рассматривали кисет. Я тоже увидел на нем вышитое красными нитками слово «Оля». Кто-то спросил:

– Как же ты ее нашел и где она теперь? Дядя Вася улыбнулся и продолжил:

– Без чудес на войне не бывает. Когда под Сталинградом немцев турнули, на северных фронтах облегчение наступило. В результате перегруппировок частей отдельные из них получили краткосрочную передышку...

Летом 1943 года рота бойцов во главе с командиром В. М. Потаповым была направлена в один из местных колхозов, расположенный в селе Мальчиха, с целью оказания срочной помощи в заготовке сена для молочной фермы. Угощая бойцов молоком, одна из работниц фермы увидела в руках командира кисет и, улыбаясь, спросила:

– А где вы взяли эту штуку? Ее изготовила моя подружка Оля. Она здесь работает дояркой.

Екнуло что-то в груди у командира. Он тут же встретился с Олей, показал ей кисет. Девушка зарделась и вскрикнула:

– Ой, откуда он взялся, я его на фронт посылала...

Два дня общения, а на третий влюбленные взялись за руки и за 10 километров пешком ходили в село Непотягово, где в сельсовете молодых записали в Книгу актов гражданского состояния как мужа и жену. По случаю нашлась чекушка – по капельке, но каждому из присутствующих. Медовый период продолжался всего шесть часов, потому что к вечеру пришло донесение: Потапов, завтра в бой! Вот и вся любовь. Почти два года жаркой переписки и ни одной встречи.

Прошли многие годы. Дяди Васи уже нет. Он умер в конце шестидесятых, не выдержав последствий тяжелых ранений. А я всю жизнь мечтал: вот выучусь, заработаю денег и поеду к дяде Васе в гости. Жил он со своей любимой Олей и тремя детьми в городе Старая Русса Новгородской области.

В 1990 году ездил я туда, посетил могилу дяди Васи, три дня гостил у тети Оли. Чудесной души человек. Слушал ее интересный и более подробный рассказ о кисете, о девичьих муках в годы войны (она ведь с детства без родителей), о красивой дружбе с любимым человеком. На мой вопрос, куда же тот кисет подевался, Ольга Павловна ответила:

– Забрал с собой... в знак вечной любви.

В 1991 году, летом, тетя Оля вместе со своим старшим сыном Николаем и снохой Наташей десять дней гостила в Белгороде. Приезжали мы и в Волотово. Два дня гуляла родня. Николай Васильевич Потапов покорила публику виртуозной игрой на баяне. Тетя Оля пережила дядю Васю на 25 лет и умерла шесть лет тому назад. Похоронены они рядышком, потому что иначе нельзя: кiset-то с ними!

В моих планах на будущее – поехать в Старую Руссу, побывать на могиле дорогих мне людей, рассказать им о том, что у них уже правнуки растут, что род Потаповых продолжается и что воевали они не зря.

*(Лыков П. А. Память о войне.
Белгород: Крестьянское дело, 2003. с. 18 – 21)*